

Владивосток 22/11/40. 17

Бдильница, родная.

Это - третье письмо, которое я пишу тебе отсюда, а может быть - и четвертое, я уже сбился. Я нахожусь в занятой зоне с 23/5, жив и здоров. Куда буду направлен - не знаю, конечно, но могу быть направлен либо на Команду, либо на Находку. Я пишу и к первому варианту. В предыдущих письмах я подробно писал тебе, Лик, на всякий случай написать или релатировать в оба адреса: Магдан, почт. ящик № 3 СВУТМ НКВД, 2-й этаж, - и на имя Левы или Моги в Находку. Конечно, как только я узнаю на место, я постараюсь релатировать тебе новый мой адрес. Я хочу только добавить, Лик, что не знаю, не добудут ли здесь еще сколько времени, чтобы успеть пописать сюда от тебя чего-то релативному, - я ведь уже больше месяца ничего не пишу, и не знаю, попишут ли. Это вот самое грустное - уехать, не пописав тебе письма. Ведь - кто его знает, когда я смогу связаться с тобой из нового места, или вообще, если или окажутся Команда.

Так как нового у меня ничего нет, то я повторяю в этих письмах отсюда, в надежде, что если не все, то хоть одно добудет до тебя. Повторю и ты, вероятно, уже слышал, о каждой писан уже: старайся кончить с заявлением моего защитника и написать ее мне по новому адресу в западном письме или в письме, и попросить защитника от своего имени

направил мне копию его заявления.

17 050505
Я думаю, что с момента выезда дма
в Москву, Вадимовичи Труфановы, до
момента решения ЦОКурода о цоусе или
об оставлении работы без последствий —
должно уйти не менее 2 1/2. 3-х месяцев.
Значит, в июне или в начале августа можно
ждать этого решения. Ну, поглядим. —

- Дакре у нас уже наступили жаркие дни,
хоть до сих пор почти непрерывно идут
ливневые дожди. А вы, видно, уже что-то
сравно забыли? Вот какие фокусы кидаются:
Владивосток — на парашелки, Кимчон, дакре
почески Одесса, а лето наступило в Кимчон
июня. Как Цусёнок — заиграет, куда-то? Как
- бы поглядеть на него, а?...

- Скрипка, на которой я здесь играю — уехала
отдельно. Уехал и мой скрипичный мастер.
Жаль. Мы с ним хорошо сдружились, — помо-
гой, душевно-неиспорченной, дедкой души
парень, и сильные руки. Он очень хвалит мои
руки и не видит, что я никогда не работал
большим, — хотя очень ругал меня за 2 милли-
метра, и щипки снаряды мои с шейки одной
из скрипок, которые мы дали. Сможу-ли я
дальше работать скрипкой там, куда меня пове-
дут, — вот над чем я задумываюсь. Но, Луреман,
вообще не переживай, а вообще основной — в
лице.

Прости, любя, за бессодержательное и глупое
о себе письмо. Меньше жарится. Будь здорова
и спокойна, родная, и Цусёнок пусть будет
весел и здоров. Я вас обоих крепко обнимаю
и целую, и всех родных. Твоей Вольга